

им.-в. ед.; иначе ударение перешло бы при метатонии на последний слог раньше, чем могло быть оттянуто на первый по закону Шахматова-Лескина. При наличии этой причины мы имели бы *por^hse — им. мн. *por^hse^ta, *te^hle — *te^hle^ta, отражения чего мы не имеем ни в одном из языков. Кроме того, при этом условии вся парадигма единственного числа в данной категории имела бы накоренное ударение при любом характере интонации, чего тоже не имеем ни в одном из языков, несмотря на то, что при таком едином типе ударения эта парадигма имела бы все данные сохраниться в неприкосновенности.

Конечно, можно предположить, что во всех языках все ударенные суффиксы косвенных падежей ед. ч. являются новообразованиями; но нет оснований принять такое предположение. И так же нет оснований подозревать, что словинский им. мн. prase^ta, tele^ta и т. п. являются образованиями аналогическими; нельзя видеть тут то закономерное изменение исконного акута на циркумфлекс, которое Валявец (Rad. CXXXII, p. 153) отмечает в словинском языке, считая причиной его долготу и восходящую интонацию конечного (следующего) слога, как например, в формах hvalila, lubila¹ (стр. 157), так как в формах *por^hse^ta, *te^hle^ta был бы при предположенном условии не исконный, а новый акут.

Повидимому, нужно принять первую из возможных причин отсутствия накоренного ударения в им.-в. мн., т. е. акутированную интонацию суффикса -*et- внутри слова. Если при дальнейшем исследовании удастся найти данные, подтверждающие существование предположенного выше окситонированного типа им.-в. ед. основ на -*et, тогда акутированная интонация суффикса -*et в рассматриваемом положении станет несомненной, так как в противном случае мы заведомо имели бы в им.-в. мн. перенос ударения с суффикса на конечный слог. И тогда заведомо закономерным отражением первоначальных отношений будет озриничское prase — род. ед. prase^ta, по образцу которых установилось в этом говоре изменение места ударения также и при склонении форм с акутированным корнем; во всяком случае озриничское чередование ударения между им.-в. ед. и прочими падежами в парадигме склонения основ на -*et обращает на себя внимание.

Итак, мы пришли к выводу, что в общеславянском языке в рассматриваемой категории суффикс -*et на конце слова имел циркумфлектированную интонацию, а внутри слова, по всем вероятностям, акутированную. Таким образом, находит свое оправдание высказанное выше сомнение в возможности априорного принятия единства интонации при различном положении слога в слове.

¹ Относительно этих форм см. Lehr-Splawinski. O prask. metatonji, p. 17.